
**ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ МИР:
ТРЕНДЫ, СДВИГИ И ПУЛЬСАЦИИ**

УДК 910.1

**КОМПЛЕКСНОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ В ЭПОХУ
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА: ВЗГЛЯД ФИЗИКО-ГЕОГРАФА**

© 2025 г. О. А. Климанова*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет,
Москва, Россия*

**e-mail: oxkl@yandex.ru*

Поступила в редакцию 14.05.2024 г.

После доработки 19.08.2024 г.

Принята к публикации 18.10.2024 г.

Комплексное страноведение в постиндустриальном мире столкнулось с различными методологическими, информационными и технологическими вызовами, которые обусловили необходимость актуализации его теоретических и методических основ. В статье на основе системно-структурного подхода А.П. Горкина, анализа теоретических и эмпирических геоэкологических исследований обосновывается концепция геоэкологического страноведения. Оно рассматривается как современный этап развития физико-географического страноведения в эпоху доступности глобальных геопространственных данных и повсеместной антропогенизации ландшафтов. Предметом геоэкологического страноведения предлагается считать территориальные структуры, формирующиеся на мезомасштабном уровне в результате взаимодействия природных, историко-культурных, социально-экономических и иных факторов. В статье обосновывается особое место мезомасштабного уровня в системе территориальной дифференциации географического пространства, определяющая особенность которого — явно выраженная синергия указанных выше факторов. При этом предположение о максимуме синергии на мезомасштабном уровне прежде всего основано на уровнях действия факторов, связанных с социумом. Рассмотрены примеры мезомасштабных геоэкологических систем, их соотношение с географическими системами и содержание с позиций страноведения, рассматривается роль комплексного геоэкологического районирования в страноведении и определяются его характерные черты. На основе высказанных соображений и проведенных ранее исследований делается предположение о том, что в рамках геоэкологического страноведения ландшафт необходимо понимать, как минимум, в двух ипостасях. Первая из них — культурный ландшафт — отражает вклад в том числе и историко-культурных факторов в процесс трансформации природной среды, вторая — наземный покров — фиксирует результат освоения человеком поверхности Земли, видимый и измеряемый при помощи методов дистанционного зондирования, который может быть использован для оценки трансформации природной среды. Приведены примеры использования обоих понятий для исследований разной целевой направленности.

Ключевые слова: геоэкология, страноведческий подход, мезомасштабный уровень, геоэкологический район, культурный ландшафт, наземный покров

DOI: 10.31857/S2587556625010063 **EDN:** CRYDAH

ВВЕДЕНИЕ

Поводом к подготовке данной статьи послужило, в первую очередь, желание отдать дань памяти и, возможно, даже в чем-то отчитаться перед Александром Павловичем Горкиным, который не читал мне лекции и не был моим научным руководителем. Однако мы многое обсуждали с ним в частных беседах, и тематика нашего общения касалась, преимущественно, страноведения.

Страноведческие исследования в последние десятилетия занимают в отечественной географии гораздо менее заметное место, чем раньше. Парадоксально, но это происходит на фоне усиления роли региональных различий в современном мире, в том числе и при возникновении и решении геоэкологических проблем. Очевидно, что их специфика определяется не только свойствами природных систем, степенью и характером антропогенного воздействия, но и историко-культурны-

ми, социально-экономическими и политическими особенностями территории. Устойчивость и перспективность развития конкретных регионов все более зависят от их индивидуальных, в том числе и географических, свойств.

Непростая судьба страноведения в современной географии очевидна для всех, кто в той или иной степени причастен к исследованиям регионов и стран (Кузнецов, 2021). Есть мнение, что “при современном состоянии страноведения бесперспективно рассуждать о “страноведческом” анализе и “страноведческом” подходе” (Исаченко, 2014, с. 52). С точки зрения академической науки причины этого подробно и точно рассмотрены А.И. Трейвишем (2021). Добавим, что в сфере высшего географического образования, на наш взгляд, к этому добавляется еще одно объяснение. Истинное понимание регионов и стран требует широкого междисциплинарного подхода и кругозора, высокой сформированности навыков географического сравнения и обобщения, привлечения знаний как общественных, так и естественных наук. И научить этому можно только в случае высокой вовлеченности студента в предмет и даже, если хотите, природной склонности к обобщению и комплексному исследованию.

Страноведение в нашей географии традиционно считается преимущественно частью социально-экономической географии. Одновременно в работах как классиков, так и исследователей рубежа XX–XXI вв. неоднократно подчеркнута комплексность и синтетичность этого направления и в рамках географии (Баранский, 1946; Машбиц, 1998; МIRONENKO, 2001). Представление о том, что именно экономико-географы, в особенности изучающие зарубежные страны, — те специалисты, которых по праву можно назвать страноведами, — отражено и в “свежем” определении страноведения, которое приведено в Большой Российской энциклопедии. В нем страноведение названо комплексной научно-образовательной дисциплиной, позволяющей всесторонне изучать страны, синтезируя различные данные о них¹. В этой же статье намеренно подчеркивается, что эту науку “традиционно считают географической, но вклад историков, политологов, экономистов, лингвистов в развитие страноведения тоже велик”.

Собственно этим новое определение отличается, например, от трактовки страноведения, которое содержится в словаре-справочнике “Социально-экономическая география”, вышедшем в 2013 г. под редакцией А.П. Горкина. В этом

издании А.С. Фетисов указывает, что “страноведение — географическая дисциплина, занимающаяся изучением территорий (стран и их районов, регионов), систематизирующая и обобщающая разнородные данные об их природе, населении, хозяйстве, культуре и социально-политической организации, особенностях исторического развития” (Фетисов, 2013, с. 245). Здесь же приводятся и наиболее значимые черты отечественной школы комплексного страноведения, среди которых: а) всесторонний анализ взаимосвязи природы, человека, хозяйства; б) исторический подход при изучении их взаимодействия; в) аналитичность и проблемность; г) широта охвата и разносторонность подходов; д) особое внимание к человеку и всем сторонам и циклам его жизнедеятельности (Фетисов, 2013, с. 246). В сочетании этих черт и состоит, на наш взгляд, комплексный страноведческий подход как инструмент научного анализа.

Этот инструмент может применяться как при изучении стран-государств, так и других территориальных объектов сходного уровня. В связи с этим цель данной статьи — представить взгляд на комплексное страноведение не как на науку, занимающуюся исключительно изучением стран, но как на направление комплексной географии, в фокусе изучения которого находятся территориальные системы регионального и макрорегионального уровней. Среди них страна-государство является лишь одним из возможных примеров. На наш взгляд, именно территориальный уровень, на котором формируются подобные системы, определяет и инструментарий, и методологические подходы к исследованию, примеры которых также отражены в статье.

В связи с этим, задачи, которые ставил перед собой автор при написании статьи, несколько отличаются от задач, которые относятся к традиционным статьям исследовательского характера: 1) краткий анализ развития страноведческой концепции в рамках физической географии; 2) определение территориального уровня, для которого применим страноведческий подход в современной геоэкологии; 3) обоснование возможных операционно-территориальных единиц геоэкологического страноведения; 4) характеристика новых источников данных и возможностей их применения для выявления специфики взаимодействия общества и природы; 5) оценка перспектив страноведения на основе предложенных подходов.

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ: ОТ ЛАНДШАФТА К ГЕОЭКОЛОГИИ

Первая кафедра страноведения в России возникла в Петрограде в 1918 г. в Географическом институте — первом образовательном

¹ См.: Кузнецов А.В. Страноведение // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. <https://bigenc.ru/c/stranovedenie-a03159/?v=8248230> (дата публикации 29.08.2023).

географическом учреждении Советской России. В 1925–1934 гг. эта кафедра под руководством Л.С. Берга действовала уже на географическом факультете Ленинградского университета. Впоследствии после реформ 1933–1934 гг. она “растворилась” в составе кафедры физической географии (Севастьянов, Григорьев, 2015). В Москве, на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова кафедра страноведения появилась в 1938 г., вскоре она была переименована в кафедру физической географии зарубежных стран. Таким образом, в обеих столицах первоначально страноведение развивалось в рамках физической или (помня о подходах Л.С. Берга и В.П. Семенова-Тян-Шанского) комплексной географии².

Профессора московской кафедры страноведения Б.Ф. Добрынин и А.С. Барков, так же, как и их учитель Д.Н. Анучин, основным объектом физико-географического страноведения считали природный ландшафт. “Главная задача молодого, начинающего исследователя-географа в поле — научиться наблюдать и определять конкретные (однородные) ландшафты и закономерности их распределения” (Добрынин, 1957, с. 60). Борис Федорович Добрынин (1948) наметил и иерархию ландшафтных образований: 1) ландшафтный участок, соответствующий детальному или конкретному ландшафту; 2) ландшафтный район; 3) ландшафтная область; 4) группы ландшафтных областей; 5) страна; 6) часть света или континент. Собственно эти же единицы дальше нашли свое отражение в системе индивидуального физико-географического районирования.

А.С. Барков (1940) в своем словаре-справочнике по физической географии, выдержавшем четыре переиздания, определял страноведение как ветвь географии, занятую комплексным изучением отдельных стран и отдельных их районов, ландшафтов.

В 1980-е годы, анализируя историю отечественной вузовской физической географии, Ф.Н. Мильков пришел к выводу, что благодаря деятельности коллектива кафедры физической географии зарубежных стран на ней сложилась самостоятельная школа физико-географического страноведения Добрынина—Баркова — “наследница” географической школы Д.Н. Анучина (Мильков, 1984, с. 83).

Направление физического страноведения (по А.С. Баркову) получило непосредственное продолжение в монографиях его и Б.Ф. Добрынина учеников и последователей — Е.Н. Лукашовой, Н.В. Александровской, Г.М. Игнатьева, Э.П. Романовой и других авторов. При этом методологической основой исследований в большинстве случаев все же оставался ландшафтный подход. В.Н. Солнцев, анализируя семидесятилетнюю историю кафедры, выделял в ее истории, начиная с 1938 г., три этапа: 1) физико-географическое, 2) природно-ресурсное и 3) геоэкологическое страноведение (Солнцев, 2008).

Последнее направление, выделенное В.Н. Солнцевым, отчасти было номинировано и в название кафедры, которая с 1990 г. стала называться кафедрой физической географии мира и геоэкологии. Это стало отражением уже накопленного к концу 1980-х годов богатейшего опыта исследования тех проблем взаимодействия человека и природы, которые сейчас принято называть экологическими (или геоэкологическими). В их числе — исследование процессов деградации земельных и лесных ресурсов, круговоротов вещества, природно-антропогенных процессов и т.д. Основными объектами исследований были страны и регионы мира, субконтиненты и материки.

На основе этого накопленного опыта исследований были актуализированы предмет и объект геоэкологического страноведения (Климанова, 2014). Подобное название, как уже указано выше, отражало преемственность кафедральных традиций физико-географического страноведения и подчеркивало приоритет хронологической составляющей в его методологии.

МЕЗОМАСШТАБНЫЙ УРОВЕНЬ: СИНЕРГИЯ ФАКТОРОВ И ЛИНЕЙКА ВОЗМОЖНЫХ ОБЪЕКТОВ

В соответствии с системно-структурным подходом А.П. Горкина, сущность географического страноведения — в раскрытии пространственной (территориальной) структуры страны или ее района как результата взаимодействия ее территориальных элементов общественного и природного характера (Социально-экономическая ..., 2013).

Исходя из этого, а также из предметного поля геоэкологии (Голубев, 1999) объектом исследований геоэкологического страноведения было предложено считать взаимодействие географического пространства и человеческих общностей — этносов, наций, социумов, в том числе и в историческом аспекте, а предметом — территориальные проекции таких взаимодействий, иными словами,

² Во второй половине XX в. в отечественной географии были разработаны научные основы экономико-географического страноведения Витвера—Вольского, главной методологической базой которого стала комплексная характеристика страны, а также типология стран мира на основе главных показателей их социально-экономического развития.

территориальные структуры, формирующиеся в результате взаимодействия природных, историко-культурных, социально-экономических и иных факторов (Климанова, 2014).

Отметим, что наряду со страноведением, изучением пространственных структур занимается и регионоведение, отношения которого со страноведением не до конца определены. Так, В.А. Дергачёв и Л.Б. Вардомский (2022) четко разделяют эти направления, подчеркивая, что страноведение занимается комплексным описанием стран, а регионоведение изучает региональные группировки, страны и их регионы как субъекты международных и межрегиональных отношений. По мнению этих авторов, методологической основой регионоведения является регионалистика, которая синтезирует пространственные подходы и изучает объективные факторы регионализации международных отношений под влиянием глобализации. Гораздо более общий взгляд на регионоведение отражен у Ю.Б. Гладкого и А.И. Чистобаева (2003). Они полагают, что все территориальные структуры, возникающие в результате объективного разделения материального мира, — регионы, области, зоны, пояса — имеют отношение к регионоведению (Гладкий, Чистобаев, 2003, с. 11).

По мнению В.В. Макаренко (2019) объектом регионоведения является геосоциальная среда, которая включает в себя в единстве природу и общество, а также процессы ее возникновения и функционирования на Земле (Макаренко, 2019, с. 2). Эта трактовка для географа уж совсем непривычна и в чем-то даже ближе к определению геоэкологии как междисциплинарного научного направления, изучающего экосферу как сферу взаимодействия природы и общества (Голубев, 1999). В.А. Горбанёв, критикуя В.В. Макаренко, указывает, что регионоведение — это не что иное, как региональная география, а страноведение и районоведение — это ее части (Горбанёв, 2023).

Приведенные точки зрения свидетельствуют, что единства во взглядах на регионоведение и его подходы нет, а с учетом его представленности наряду с географией и в политологии (есть соответствующая специальность по подготовке аспирантов), истории (Кулакова, 2010) и лингвистике (Павловский, 2005) и не предвидится.

Отметим, однако, что и страноведение, и регионоведение в географическом контексте наряду с синтезом знаний объединяет задача выявления территориальной структуры как результата взаимодействия различных факторов пространственной дифференциации. В каких границах и под каким углом эти структуры выявляются и анализируются, на наш взгляд, — вопрос целей и задач конкретного исследования.

Более важный аспект касается того, на каком территориальном уровне происходит взаимодействие факторов разной природы, определяющих, в случае геоэкологического страноведения, своеобразие и специфику взаимодействия общества и природы. Анализ современных подходов и тематики геоэкологических исследований свидетельствует, что вне зависимости от территориального уровня в их фокусе находится воздействие человека на природную среду и его последствия, однако исследовательская парадигма, методы исследований и соотношения между ними на глобальном, региональном и локальном уровнях могут существенно различаться (Климанова, 2014).

При этом региональный уровень исследований включает в себя максимально широкую размерную линейку объектов — от сочетаний индивидуальных ландшафтов до крупных частей материков. Отметим, что в современной географии масштаб относится не только к размеру объектов, но и к интенсивности процессов, приводящих к его формированию, а также детальности рассмотрения (Sayre, 2005, 2009). В связи с этим было бы целесообразно выделение внутри промежуточного — между глобальным и локальным — двух подуровней: собственно регионального и макрорегионального и объединение их в единый мезомасштабный уровень. Пока в географии этот термин использовался преимущественно в метеорологических исследованиях для обозначения, например, объектов с линейным размером 20–2000 км (Спрыгин, 2020). Перевод линейных размеров в площадные позволяет получить размерность объектов от 400 км² до 4 млн км², что вполне сопоставимо с размерами географических объектов даже макрорегионального уровня.

В контексте геоэкологического страноведения главное свойство систем мезомасштабного уровня — это синергия, которая формируется в результате взаимодействия природных, историко-культурных и социально-экономических факторов и определяемых ими признаков. Наряду с уже указанными А.И. Трейвиш (2021) выделяет еще признаки четвертого типа — государственно-правовые³. В значительной степени это предположение о максимуме синергии на мезомасштабном уровне основано на уровнях действия факторов, связанных с социумом: на локальном уровне явно не хватает масштаба для развития, а на глобальном — уже слишком велико единообразие.

³ В геоэкологическом страноведении они важны при рассмотрении стран-государств, однако не являются решающими для выделения объектов.

По аналогии с географическими можно говорить и о геоэкологических системах, в которых выделяются четыре подсистемы: природная, хозяйственная, социальная и подсистема управления (Романова и др., 2010). Ниже приведем возможные примеры геоэкологических систем, относящихся к мезомасштабному уровню, и охарактеризуем проблематику их изучения с позиций геоэкологического страноведения (табл. 1).

В приведенной таблице единство объектов как геоэкологических систем определяется различными факторами. В случае озерного или речного бассейна системообразующий фактор — сбор, транзит и аккумуляция поверхностного и подземного стока с территории разных по степени трансформации природных комплексов и уровню социально-экономического развития территорий. Для совокупности ландшафтов и физико-географических областей в пределах страны-государства системообразующим, прежде всего, является фактор государственного управления. Действие историко-культурных факторов определяло единство систем в пределах цивилизационных регионов. Приведение примеров подобных систем имеет своей целью, прежде всего, показать, что для целого ряда объектов применение традиционных — ограниченных, как правило, политико-административными границами подходов в управлении экологическим развитием будет низкоэффективным. С другой стороны, изучение таких объектов как целостных систем позволит лучше понять природу синергии мезомасштабного уровня.

В то же время, на наш взгляд, намеренное выделение геоэкологических систем и формальное обоснование их жестких отличий от географических систем часто является искусственным построением. Одна и та же реально существующая система, например, природно-антропогенный ландшафт, может рассматриваться и в качестве географической, и в качестве геоэкологической, природно-хозяйственной. То же можно сказать

и о ландшафтной или природно-хозяйственной зоне. В значительной степени, прилагательное, предпосылаемое существительному “система”, зависит от цели и направленности исследования и носит субъективный характер.

Важным инструментом познания синергии на мезомасштабном уровне выступает комплексное геоэкологическое районирование. Район — одно из центральных понятий в географии, но в рамках современных физической и экономической географии есть свои подходы к трактовке его содержания (Гладкий, Чистобаев, 2003; Мильков, 1956; Шувалов, 2013).

Комплексный геоэкологический район — это часть территории, объединенная единством процессов и последствий взаимодействия природы и/или человека (общества), сформировавшегося в ходе исторического развития. Подробнее о возможных сочетаниях факторов и определяемых ими территориальных проекциях взаимодействия на примере Африки мы писали в (Климанова, 2014). В основу районирования закладываются морфологические (площадь, конфигурация, положение по отношению к окружающим районам и др.), генетические (определяемые историей формирования района) и функциональные (чаще всего определяются при помощи структуры земельного покрова района) признаки.

Основные функции комплексного геоэкологического районирования: 1) систематизация информации о взаимодействии природы и общества и последствиях антропогенного воздействия (может быть реализована как для общенаучных целей — создания электронной специализированной базы данных, так и для планирования экологического развития территории); 2) синтез информации и выявление на его основе целостного представления о районе и степени его однородности; 3) создание “геоэкологических портретов” районов, как для иллюстрации

Таблица 1. Примеры объектов мезомасштабного уровня в геоэкологическом страноведении

Объект	Проблематика геоэкологического страноведения
Бассейн озера (реки) в пределах группы стран	Проблемы регулирования стока и трансграничное управление водными ресурсами
Совокупность ландшафтов (природных зон) в пределах страны-государства	Территориальные ресурсы и экологический потенциал страны — предпосылки ее развития
Совокупность ландшафтов в пределах цивилизационных макрорегионов	Влияние на ход цивилизационного развития (особенно на ранних стадиях) разнородной природно-ландшафтной основы
Совокупность физико-географических областей (стран) в пределах страны-государства	Региональная идентичность и региональные стратегии экологического развития

их индивидуальности, так и для принятия решений об их дальнейшем развитии.

Таким образом, линейка размеров объектов мезомасштабного уровня чрезвычайно широка; так как принадлежность к мезомасштабным системам определяется как промежуточным положением в ряду территориальной организации геосферы или социосферы, так и масштабом проявления системообразующих процессов. В этой связи к таким системам могут относиться и урбанизированные регионы, и значительно большие по площади природные зоны с экстенсивным типом хозяйственного освоения. Это отличает мезомасштабные системы от традиционной строгой иерархии объектов в физической и социально-экономической географии.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ВОЗМОЖНАЯ ОПЕРАЦИОННО- ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА В СТРАНОВЕДЕНИИ

Введение историко-культурных и цивилизационных факторов в число тех, что определяют конфигурацию и характер территориальных систем на мезоуровне определяет необходимость поиска той операционно-территориальной единицы, которая могла бы быть взята за основу при выделении комплексных геоэкологических районов. В физико-географическом районировании такую функцию выполняет географический ландшафт. В комплексном же геоэкологическом районировании и страноведении на эту роль может быть предложен культурный ландшафт.

В отличие от классических подходов отечественного ландшафтоведения в понимании Европейской ландшафтной конвенции ландшафт рассматривается не только как объективная реальность, но как “синтез объективно существующей реальности и способа ее восприятия, переживания и осмысления” (The European ..., 2002). В отечественной географии это созвучно термину “культурный ландшафт” (Калуцков, 2008; Культурный ..., 2004). В “географическом смысле культурный ландшафт — не просто результат сотворчества человека и природы, но также целенаправленно и целесообразно формируемый природно-культурный территориальный комплекс, который обладает структурной, морфологической и функциональной целостностью и развивается в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях. Его компоненты образуют определенные характерные сочетания и находятся в определенной взаимосвязи и взаимообусловленности” (Культурный ..., 2004, с. 13).

С позиций геоэкологического страноведения культурный ландшафт важен, в том числе и потому, что он отражает взаимодействие конкретного этноса, определяемое в том числе и его традиционным укладом жизни и другими особыми свойствами, т.е. индивидуализирует “обезличенное” антропогенное воздействие. Дискуссионным остается вопрос о выделении культурных ландшафтов в полиэтничных странах, однако, на наш взгляд, это также возможно в случае широкой трактовки культурного ландшафта (см. выше) без жесткой привязки к этносу.

Е.Ю. Колбовский (2022) интерпретирует культурный ландшафт как социально-экологическую систему, которой присущи четыре группы свойств: структурные, функциональные, социальные и метафизические. Исходя из представлений о социально-экологической системе для горных территорий Северо-Восточного Кавказа на основе полевых исследований и анализа исторических источников предлагают выделять три уровня территориальной иерархии: макрорегиональный (соответствует моделям использования природных ресурсов в масштабах физико-географической страны), микрорегиональный (соответствует этнокультурным обществам), локальный (соответствует ландшафтно-хозяйственному ареалу в пределах одного селения) (Колбовский, Петров, 2024).

Вопросы картографирования культурных ландшафтов на разных уровнях пока еще находятся в стадии обсуждения. Однако очевидно, что значимой основой для подобной работы выступают базы данных археологических и исторических памятников или элементов окультуривания ландшафта, которые отражают разные этапы его освоения (Fairclough et al., 1999; Planning ..., 1994). Опыт применения археологических и исторических данных на локальном уровне в Российской Федерации также описан достаточно хорошо [см. (Низовцев, Марченко, 2004)].

Наиболее сложной методической проблемой пока остается масштабирование данных с локального уровня на региональный и макрорегиональный (оба — в составе мезомасштабного уровня), а также слабая сохранность или даже почти полное отсутствие сохранных культурных ландшафтов на сильно трансформированных человеком территориях, в том числе и в России.

В этой связи в качестве прокси-переменной для отражения культурных ландшафтов территории могут быть использованы данные о распространении цивилизаций разного уровня. Исходя из принципа историзма страноведения, можно сформулировать гипотезу о том,

что в каждый исторический период территория историко-культурного региона может быть представлена как совокупность ареалов распространения различных этносов либо даже локальных цивилизаций со свойственной им системой природопользования.

Она вполне созвучна разработанным еще в рамках советской этнографии понятиям историко-культурной области и хозяйственно-культурного типа (Левин, Чебоксаров, 1955; Чебоксаров, Чебоксарова, 1971).

Каждый из выделенных ареалов цивилизаций или исторических этапов на сновании исторических и археологических данных может быть охарактеризован своей совокупностью культурных ландшафтов разного типа. Этот подход реализован нами для Средиземноморья (Климанова, 2014, 2023).

Отметим, что в базе данных Всемирного наследия отдельно выделена категория “культурные ландшафты”, под которыми понимаются объекты, которые, согласно Конвенции о Всемирном природном и культурном наследии, представляют собой “совместные творения человека и природы, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии”.

По времени возникновения объекты отнеслись к той эпохе, в которую они были созданы. Именно так они представлены на рис. 1.

На доцивилизационном этапе, закономерно, лучше всего представлены наскальные рисунки, сохранившиеся в том числе и в пещерах, подчиненную роль играют развалины древних поселений и отдельные архитектурные объекты. Для этапа древнейших цивилизаций по сравнению с остальными наиболее высока доля категории “культурные ландшафты”. Отчетливо выделяются ядра освоения в четырех районах — Апеннинском, Малоазиатском, Левантийском и Нижненильском. Для ядерных зон характерны различные природные условия: древние египтяне осваивали интразональные ландшафты долины Нила, древние иудеи — горно-долинные ландшафты Палестины, хетты — плоскогорные ландшафты Анатолии, пригодные для скотоводства, и речные долины, использовавшиеся под земледелие, этруски — холмистый ландшафт Тосканы.

Развалины поселений преобладают на этапе античной Греции, что также логично с учетом дальнейшей смены цивилизаций в регионе. Доля категории “исторические центры городов” примерно одинакова и в период древнейших цивилизаций, и эпоху Древнего Рима. Возможно, города, основанные в это время, получили больший шанс на сохранение, чем те, что были основаны в период Античной Греции. Однако максимальна доля категории “исторические центры городов” в обе средневековые эпохи.

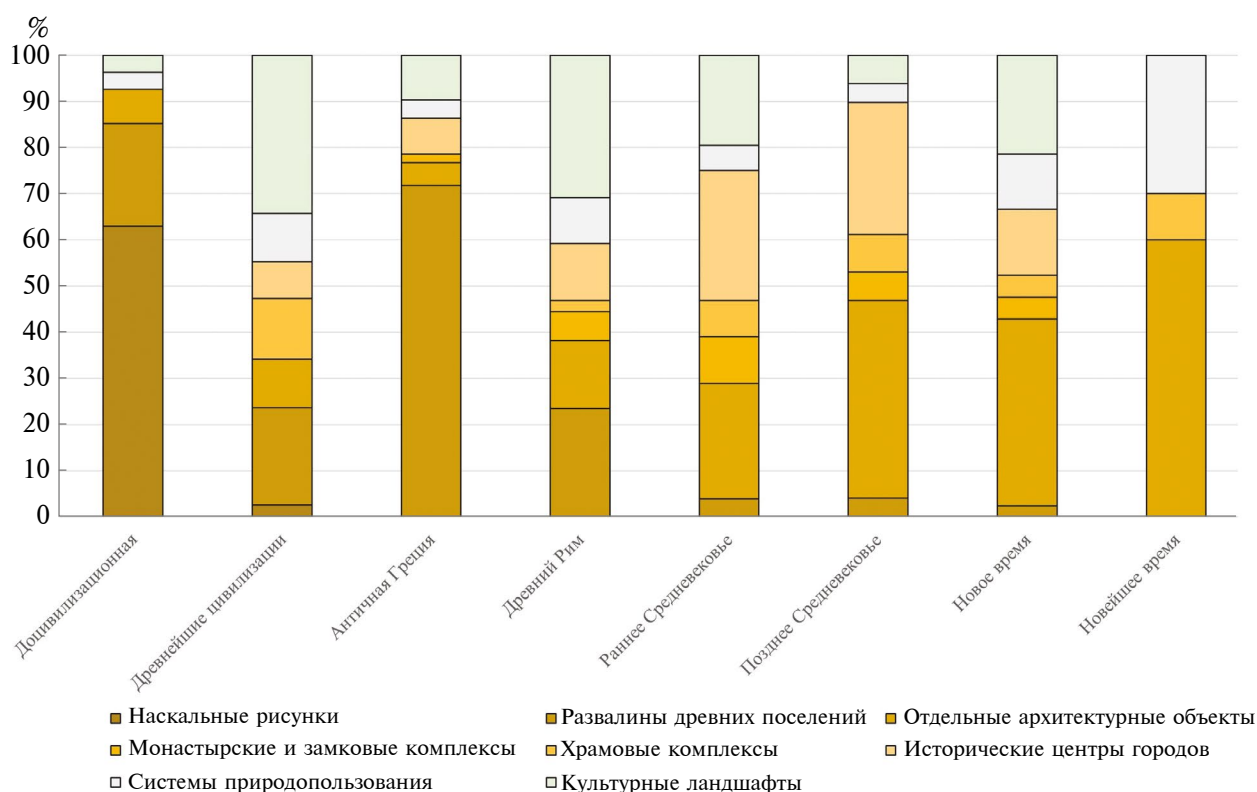

Рис. 1. Исторические эпохи и характерные для них типы объектов Всемирного культурного наследия в Средиземноморье.

Наиболее репрезентативные для типа освоения эпохи объекты наследия — культурные ландшафты и системы природопользования — возникали на каждом этапе. В то же время анализ истории развития культурных ландшафтов показал, что треть из них относятся более чем к одной исторической эпохе, т.е. представляют собой палимпсест. При этом 60% таких объектов имеют возраст более 1 тыс. лет.

Как единая мезомасштабная система регион был сформирован в эпоху Древнего Рима. За более чем четырехтысячелетнюю историю его границы то расширялись, то сужались в зависимости как от природных, так и от исторических факторов. На этапе древнейших цивилизаций ядро освоения региона было приурочено к Левантийскому району, впоследствии оно расширилось на запад — в Малоазиатский и Балканский районы, последними в орбиту освоения были вовлечены Пиренейский и Магрибский районы.

По-видимому, на ранних этапах освоения значимую роль в формировании структуры культурных ландшафтов играли природные факторы, как это произошло на этапе древнейших цивилизаций, впоследствии они могли быть приглушены и уступить место историко-культурным/цивилизационным и определяемым ими социально-экономическим факторам.

Таким образом, ареалы цивилизаций, дополненные данными о репрезентативных культурных ландшафтах, дают нам представление о локализации и характере взаимодействия человека и природы на разных исторических этапах, а картографирование ядер освоения и периферийных частей позволяет выявить территориальную структуру как всего Средиземного макрорегиона, так и его частей. Так, в этой территориальной структуре выражена “ядерная” зона, где отмечается максимальное скопление объектов наследия и периферия, на которой представленность/сохранность культурных ландшафтов существенно ниже.

ГЕОПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ: НА ПУТИ К НОВЫМ ГРАНИЦАМ ОБЪЕКТОВ МЕЗОУРОВНЯ

Говоря о вызовах и возможностях, с которыми столкнулось комплексное страноведение в первой четверти XXI в., следует отметить, прежде всего, стремительно увеличившуюся доступность данных, а также появление новых средств их обработки. В 1980–1990-е годы сложно было представить, что на смену толстым бумажным справочникам и многолистовым картам, которые как особо ценный груз привозились из редких зарубежных поездок сотрудниками ка-

федры, придут геопространственные и статистические базы данных открытого доступа. И если для локального уровня по-прежнему не всегда достаточно информации, то страноведение, без сомнения, получило новый импульс для анализа характера и интенсивности взаимодействия человека и природы, а также для постановки новых исследовательских задач. При этом возможности геоинформационных систем позволяют проецировать геопространственные данные в системы любых пространственных объектов мезоуровня — речных бассейнов, природных зон, историко-культурных регионов, туристских макрорегионов, физико-географических районов и стран, государств. Примеры возможностей использования геопространственных данных, например, для верификации границ геоэкологических районов Африки, рассмотрены нами в (Климанова, Колбовский, 2015).

Среди тенденций последних пяти лет в этой области можно отметить широкое распространение Web-порталов, которые позволяют в интерактивном режиме получать картографические изображения и данные анализа информации по странам и регионам. Так, на портале Мирового института природных ресурсов (World Resources Institute)⁴ есть возможность познакомиться, например, со следующими тематическими направлениями: Глобальная лесная вахта (Global Forest Watch), Акведук (Aqueduct), Анализ доступа к энергии (Energy Access Explorer), Landmark (Глобальная платформа анализа земель коренных народов и традиционных сообществ) и др. Большой объем статистической информации по разным тематическим областям (в том числе визуализируемой в картографическом виде) представлен на сайте Мирового Банка⁵.

С позиций физической географии мира и геоэкологии очень важным источником информации о характере и процессах трансформации ландшафтов на мезоуровне стали данные о наземном покрове. Под наземным (земельным) покровом мы понимаем современную мозаику растительного покрова, как естественного, так и антропогенного происхождения, в том числе посевы сельскохозяйственных культур, разнообразные типы населенных пунктов и других объектов, земли, не покрытые растительностью (пустоши, ледники и др.), а также водоемы и водотоки (Алексеева и др., 2017). Данный термин широко используется в публикациях по дистанционному зондированию и науках о Земле (Савин, Березуцкая, 2024).

На мезомасштабном уровне, как нам представляется, методический и содержательный

⁴ <https://www.wri.org/data>

⁵ <https://data.worldbank.org/indicator?tab=all>

интерес могут представлять работы, основанные на сопоставлении данных об изменениях наземного покрова и сельскохозяйственной статистики. Наряду с выявлением тенденций изменений в сельскохозяйственном производстве, они позволяют определить тренды антропогенизации в пределах геоэкологических районов и административно-территориальных единиц и наметить возможные направления по оптимизации природопользования.

Подобный подход был реализован нами для территории Бразилии (Klimanova et al., 2017). Выбор объекта определялся тремя соображениями. Мы хотели подтвердить или опровергнуть свои выводы, предварительно сделанные по тропической зоне (Климанова и др., 2018), искали тропический регион с развитым сельским хозяйством и хорошо обеспеченный сельскохозяйственной статистикой, а также хотели провести оценку в границах страны — традиционного для страноведения объекта.

По результатам оценки был сделан вывод о том, что в целом вклад природных факторов выше в штатах Севера (за исключением штата Токантинс) и Северо-Востока (за исключением штатов Пиауи и Пернамбуку) страны, в штатах Центро-Запада и Юга выше вклад антропогенных факторов. К последним прежде всего относится развитие сельского хозяйства, в основном — колонизация новых сельскохозяйственных районов, поскольку страна все еще обладает значительными ресурсами неосвоенных и малоиспользуемых земель (в земледелии используется лишь около 1/3 территории Бразилии), конверсия пастбищ в земельные участки или превращение естественных пастбищ в искусственные (мелиорированные, засеянные высокопродуктивными злаковыми и бобовыми кормовыми культурами) (Klimanova et al., 2017).

В отношении возможности использования данных о наземном покрове для полимасштабного анализа следует отметить, что часть процессов, выделенных на глобальном уровне, в результате анализа региональной статистики может быть уточнена или, наоборот, дополнена. Именно на страновом уровне могут быть выявлены ареалы антропогенизации ландшафтов, которые также могут быть интерпретированы как объекты мезомасштабного уровня. На более низких — субнациональном и локальном — уровнях трансформация земельного покрова отчетливо свидетельствует не только о траекториях развития ландшафтов, но и об изменениях социально-экономических функций административно-территориальных единиц.

Приведенные примеры иллюстрируют лишь некоторые возможности использования геопро-

странственных данных для анализа процессов взаимодействия человека и природы на мезомасштабном уровне. Однако ими они отнюдь не исчерпываются. Выскажем возможно дискуссионное предположение о том, что современные исследования в области геоэкологического страноведения невозможны без использования подобных данных, поскольку именно они позволяют перейти от строго очерченных границ административных единиц, по которым собирается статистика, к новым границам объектов мезоуровня и наполнить их новым тематическим содержанием, которое ограничивается лишь наличием открытых данных и технических возможностей по их интеграции и анализу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное страноведение в постиндустриальном мире столкнулось с различными методологическими, информационными и технологическими вызовами, которые обусловили необходимость актуализации его теоретических и методических основ.

В своей статье А.И. Трейвиш упоминает цитату Н.Н. Баранского: “Из экономико-географа получить страноведа, надо полагать, проще и легче, чем из физико-географа, однако к тому моменту, когда он станет страноведом... он уже в значительной степени рискует перестать быть экономико-географом” (Баранский, 1946, с. 14). Отмечу от себя, что подобное верно и в отношении физико-географа: став страноведом, он поневоле перестанет быть чистым физико-географом (даже если речь идет о комплексном географе-ландшафтоведе, а не о представителе одной из частных географических наук). Что, однако, не мешает ему принести свой профессиональный бэкграунд в страноведческие исследования и, возможно, в чем-то даже поспособствовать развитию этого научного направления.

В этой статье, которая частично обобщает результаты исследований по геоэкологическому страноведению в течение последних десяти лет, мы хотели обратить внимание на то, что даже в рамках географии страноведение не может являться исключительно прерогативой экономико-географов. Оно получает новое содержание в том случае, если мы используем его не только для анализа процессов и явлений в границах стран-государств, но и для исследований других объектов мезомасштабного уровня, относя к ним объекты различных рядов территориальной дифференциации и используя весь потенциал комплексного страноведения.

Геоэкологическое страноведение — одно из возможных направлений комплексного страноведения, — позиционируя себя в семействе

страноведческих исследований, делает своей целью познание и картографирование территориальных проекций взаимодействия человека и природы. Используя подходы и инструментальный физико-географический страноведения, в том числе и понятие “ландшафт”, в рамках геоэкологического страноведения ландшафт предлагается понимать, как минимум, в двух ипостасях. Первая — культурный ландшафт — отражает вклад, в том числе и историко-культурных факторов, в процесс трансформации природной среды, вторая — наземный покров — фиксирует результат освоения человеком поверхности Земли, видимый и измеряемый при помощи методов дистанционного зондирования, который может быть использован для оценки трансформации природной среды. Использование и того, и другого понятия тесно связано с использованием геопространственных данных, которые позволяют более широко делимитировать и исследовать объекты мезомасштабного уровня.

Наряду с рассмотренными нами направлениями к числу перспективных относятся также анализ значимых геоэкологических особенностей урбанизированных ареалов как мезомасштабных систем, а также использование геоэкологической проблематики в качестве дополнительного основания при создании классификаций и типологий стран мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Н.Н., Климанова О.А., Хазиева Е.С. Глобальные базы данных земельного покрова и перспективы их использования для картографирования современных ландшафтов // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 1. С. 110–123.
- Баранский Н.Н. Страноведение и география физическая и экономическая // Изв. ВГО. 1946. Т. 78. № 1. С. 9–24.
- Барков А.С. Словарь-справочник по физической географии. М.: Учпедгиз, 1958. 330 с.
- Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение. М.: Гардарики, 2003.
- Горбанёв В.А. Регионоведение, регионалистика, страноведение и региональная география // Международный научно-исслед. журн. 2023. № 1. <https://research-journal.org/archive/1-127-2023-january/10.23670/IRJ.2023.127.137> (дата обращения 18.08.2024). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.137>
- Голубев Г.Н. Геоэкология. М.: Геос, 1999.
- Дергачёв В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
- Добрынин Б.Ф. Методологические основы современного физико-географического страноведческого исследования // Вопросы географии. 1957. Сб. 40.
- Добрынин Б.Ф. Физическая география Западной Европы. М., 1948.
- Исаченко А.Г. Страноведение и геоэкология: желаемое и действительное // Изв. РГО. 2014. Т. 146. № 4. С. 45–58.
- Каганский В.Л. Основные практики и парадигмы районирования // Региональные исследования. 2003. № 2. С. 16–30.
- Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
- Климанова О.А. Геоэкологическое страноведение: Природные и антропогенные факторы формирования регионов. М.: Ленанд, 2014. 304 с.
- Климанова О.А. Средиземноморье: цивилизации и историко-геоэкологические портреты регионов / Исторический подход в географии и геоэкологии: матер. VII Международ. науч.-образовательной конф. по исторической географии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2023. С. 240–245.
- Климанова О.А., Колбовский Е.Ю. Использование геоинформационного моделирования для геоэкологического районирования на макрорегиональном уровне (на примере Африки) // Геодезия и картография. 2015. № 3. С. 50–56.
- Климанова О.А., Третьяченко Д.А., Алексеева Н.Н., Аршинова М.А., Колбовский Е.Ю. Трансформация земельного покрова на глобальном уровне в 2001–2012 гг.: картографирование и анализ изменений // География и природные ресурсы. 2018. Т. 39. № 3. 2018. С. 5–13.
- Колбовский Е.Ю. Четыре типа моделей культурного ландшафта в рамках геоинформационного моделирования: задачи, возможности, ограничения // Наследие и современность. 2022. № 5. С. 371–391. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2022-5-4-371-390>
- Колбовский Е.Ю., Петров Л.А. Культурные ландшафты гор как социально-экологические системы (на примере гор Северного Кавказа) // Проблемы региональной экологии. 2024. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-landshafty-gor-kak-sotsialno-ekologicheskie-sistemy-na-primere-severnogo-kavkaza> (дата обращения 09.05.2024).
- Кузнецов А.В. Кризис страноведения в России на фоне растущего спроса на знания о зарубежных странах и регионах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 6. С. 6–25. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-6-1>
- Кулакова И.П. Регионоведение, культурология, историческая антропология культурная география: точки соприкосновения в сфере изучения образов пространства // Современные тенденции развития исторического краеведения и региональной

- истории в российской и зарубежной историографии (1990–2000-е гг.): Сб. тезисов выступлений на научном семинаре (Москва, 30 марта 2010 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2010.
- Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
- Макаренко В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // Сравнительная политика. 2019. № 4.
<https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obektno-predmetnom-pole-regionovedeniya-i-ego-meste-v-ryadu-drugih-nauk> (дата обращения 18.08.2024).
- Машбиц Я.Г. Комплексное страноведение. М.—Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.
- Милюков Ф.Н. Физико-географический район и его содержание. М.: Наука, 1956. 219 с.
- Милюков Ф.Н. Вузовская физическая география: периоды ее развития и характерные черты как фундаментальной науки. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 304 с.
- Мироненко Н.С. Страноведение: теория и методы. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Низовцев В.А., Марченко Н.А. Антропогенный ландшафтогенез — методы и результаты исследований // География, общество, окружающая среда. Т. II. Функционирование и современное состояние ландшафтов / под ред. К.Н. Дьяконова и Э.П. Романовой. М.: Изд. дом “Городец”, 2004. С. 196–213.
- Павловский И.В. Регионоведение сегодня // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2.
<https://cyberleninka.ru/article/n/regionovedenie-segodnya> (дата обращения 18.08.2024).
- Романова Э.П., Алексеев Б.А., Васильева М.А. Геоэкологическая оценка ландшафтов (на примере территории Нидерландов) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География. 2010. № 1. С. 3–10.
- Савин И.Ю., Березуцкая Э.Р. Концепция наземного покрова (Land Cover) как основа дистанционного мониторинга земель // Региональные геосистемы. 2024. № 1.
<https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-nazemnogo-pokrova-land-cover-kak-osnova-distsionnogo-monitoringa-zemel> (дата обращения 14.05.2024).
- Севастьянов Д.В., Григорьев А.А. Страноведение как научная географическая основа междуна-
- родного туризма в СПбГУ: страницы истории и современность // Вестн. СПбГУ. Сер. 7. 2015. Вып. 1. С. 86–97.
- Симонов Ю.Г. История географии в Московском университете: события, люди. М.: Городец, 2008. Т. 1. 504 с.
- Солнцев В.Н. История университетской кафедры физической географии мира и геоэкологии. М.: ГЕОС, 2008. 120 с.
- Социально-экономическая география: понятия и термины / под ред. А.П. Горкина. Смоленск: Ойкумена, 2013.
- Спрыгин А.А. Параметры долгоживущих мощных конвективных структур на Европейской территории России и сопредельных территориях и возможности унификации их прогноза // Гидрометеорологические исследования и прогнозы. 2020. № 1 (375). С. 21–47.
<https://doi.org/10.37162/2618-9631-2020-1-21-47>
- Трейвиш А.И. Страноведение: сборная без тренера? Проблемы состава, методологии и развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 14. С. 26–42.
<https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-6-2>
- Фетисов А.С. Страноведение // Социально-экономическая география: понятия и термины. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 245–246.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971. 272 с.
- Шувалов В.Е. Районирование // Социально-экономическая география: понятия и термины. Смоленск: Ойкумена, 2013. 202 с.
- Fairclough G., Lambrick G., McNab A. Yesterday's World, Tomorrow's Landscape: The English Heritage Historic Landscape Project 1992–1994. London: English Heritage, 1999. 203 p.
- Klimanova O., Naumov A., Greenfieldt Y., Bardy Prado R., Tretyachenko D. Recent regional trends of land use and land cover transformations in Brazil // Geography, Environment, Sustainability. 2017. Vol. 10. № 4. С. 98–116.
- Planning and the Historic Environment: Planning Policy Guidance. Note 15. London, 1994. 38 p.
- The European Landscape Convention / European Landscape Convention. Strasbourg: Council of Europe, 2002. № 98. 24 p.
- Sayre N.F. Ecological and geographical scale: parallels and potential for integration // Progress in Human Geography. 2005. Vol. 29. № 3. P. 276–290.
- Sayre N.F. Scale / A Companion to Environmental Geography / N. Castree, D. Demeritt, D. Liverman (Eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 95–108.

Integrated Country Studies in the Post-Industrial World: The View of a Physical Geographer

O. A. Klimanova*

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

*e-mail: oxkl@yandex.ru

Integrated country studies in the post-industrial world have faced various methodological, informational, and technological challenges that have necessitated the actualization of their theoretical and methodological foundations. In the article, based on the A.P. Gorkin's system-structural approach, analysis of theoretical and empirical geo-ecological research, the concept of geo-ecological country studies is substantiated. It is considered to be a modern stage of evolution of physical-geographical country studies in the era of availability of global geospatial data and widespread anthropogenization of landscapes. The subject of geo-ecological country studies is proposed to be territorial structures formed at the mesoscale level as a result of interaction of natural, historical-cultural, socioeconomic and other factors. The article substantiates the special place of the mesoscale level in the system of territorial differentiation of the geographical space, the defining feature of which is proposed to be a clearly expressed synergy of the above factors. At the same time, the assumption about the maximum synergy at the mesoscale level is based, first of all, on the levels of action of factors related to society. Examples of mesoscale geo-ecological systems, their correlation with geographical systems and content from the point of view of country studies are considered, the role of complex geo-ecological zoning in country studies and its characteristic features are defined. On the basis of these considerations and earlier studies, it is suggested that within the framework of geo-ecological country studies landscape should be understood in at least two hypostases. The first of them—cultural landscape—reflects the contribution of historical and cultural factors to the process of transformation of the natural environment, and the second of them—land cover—records the result of human development of the Earth's surface, visible and measurable by remote sensing methods, which can be used to assess the transformation of the natural environment. Examples of the use of both concepts for studies of different target orientation are given.

Keywords: environmental studies, country-studies approach, mesoscale level, geoecological region, cultural landscape, land cover

REFERENCES

- Alekseeva N.N., Klimanova O.A., Khazieva E.S. Global land cover databases and their perspectives for present-day landscapes mapping. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2017, no. 1, pp. 110–123. (In Russ.).
- Baranskii N.N. Regional studies and geography physical and economical. *Izv. VGO*, 1946, vol. 78, no. 1, pp. 9–24. (In Russ.).
- Barkov A.S. *Slovar'-spravochnik po fizicheskoi geografii* [Dictionary on Physical Geography]. Moscow, 1958. 330 p.
- Cheboksarov N.N., Cheboksarova I.A. *Narody, rasy, kul'tury* [Peoples, Races, Cultures]. Moscow: Nauka Publ., 1972. 272 p.
- Dergachyov V.A., Vardomskii L.B. *Regionovedenie* [Regional Studies]. Moscow: UNITI–DANA Publ., 2010.
- Dobrynin B.F. Methodological foundations of modern physical and geographical regional studies. *Vopr. Geogr.*, 1957, vol. 40. (In Russ.).
- Dobrynin B.F. *Fizicheskaya geografiya Zapadnoi Evropy* [Physical Geography of Western Europe]. Moscow, 1948.
- Fairclough G., Lambrick G., McNab A. *Yesterday's World, Tomorrow's Landscape: The English Heritage Historic Landscape Project 1992–1994*. London: English Heritage, 1999. 203 p.
- Fetisov A.S. Country studies. In *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy* [Socioeconomic Geography: Notions and Terms]. Smolensk: Oikumena Publ., 2013, pp. 245–246. (In Russ.).
- Gladkii Yu.N., Chistobaev A.I. *Regionovedenie* [Regional Studies]. Moscow: Gardariki Publ., 2003.
- Golubev G.N. *Geoekologiya* [Geoecology]. Moscow: GEOS Publ., 1999.
- Gorbanev V.A. Regional studies, country studies and regional geography. *Mezhdun. Nauch.-Issled. Zh.*, 2023, no. 1. (In Russ.).
<https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.137>
- Isachenko A.G. Regional studies and geoecology: Wishful thinking and reality. *Izv. RGO*, 2014, vol. 146, no. 4, pp. 45–58. (In Russ.).
- Kaganskii V.L. The main practices and paradigms of zoning. *Reg. Issled.*, 2003, no. 2, pp. 16–30. (In Russ.).
- Kalutskov V.N. *Landshaft v kul'turnoi geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2008. 320 p.
- Klimanova O.A. *Geoekologicheskoe stranovedenie: Prirodnye i antropogennye faktory formirovaniya*

- regionov* [Geoecological Regional Studies: Natural and Anthropogenic Factors of the Formation of Regions]. Moscow: Lenand Publ., 2014. 304 p.
- Klimanova O.A. The Mediterranean: Civilizations and historical and geoecological portraits of regions. In *Istoricheskii podkhod v geografii i geoekologii. Materialy VII Mezhdun. nauch.-obrazov. konf. po istoricheskoi geografii* [Historical Approach in Geography and Geoecology. Proc. of the 7th Int. Sci. and Educ. Conf. on Historical Geography]. Petrozavodsk: Izd-vo Petr.Gos. Univ., 2023, pp. 240–245. (In Russ.).
- Klimanova O.A., Kolbovskii E.Yu. The use of geoinformation modeling for geo-ecological zoning at the macro-regional level (on the example of Africa). *Geodez. Kartogr.*, 2015, no. 3, pp. 50–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.22389/0016-7126-2015-897-3>
- Klimanova O., Naumov A., Greenfieldt Y., Bardy Prado R., Tretyachenko D. Recent regional trends of land use and land cover transformations in Brazil. *Geogr., Environ., Sustain.*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 98–116.
- Klimanova O.A., Tretyachenko D.A., Alekseeva N.N., Arshinova M.A., Kolbovskii E.Yu. Land cover transformation at a global level during 2001–2012: Mapping and analysis of changes. *Geogr. Nat. Resour.*, 2018, vol. 39, no. 3, pp. 189–196. <https://doi.org/10.1134/s1875372818030010>
- Kolbovskii E.Yu. Four types of cultural landscape models within the framework of geoinformation modeling: tasks, opportunities, limitations. *Nasledie Sovrem.*, 2022, no. 5, pp. 371–391. (In Russ.). <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2022-5-4-371-390>
- Kolbovskii E.Yu., Petrov L.A. Cultural landscapes of mountains as socio-ecological systems (the case of the mountains of the North Caucasus). *Probl. Reg. Ekol.*, 2024, no. 1, pp. 74–80. (In Russ.).
- Kulakova I.P. Regional studies, cultural studies, historical anthropology, cultural geography: points of contact in the field of studying images of space. In *Sovremennye tendentsii razvitiya istoricheskogo kraevedeniya i regional'noi istorii v rossiiskoi i zarubezhnoi istoriografii (1990–2000-e gg.). Sb. tezisev vystuplenii* [Modern Trends in the Development of Historical Local Studies and Regional History in Russian and Foreign Historiography (1990–2000-s): Collection of Abstracts]. Moscow: Izd-vo RGGU, 2010. (In Russ.).
- Kul'turnyi landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscape as a Heritage Site]. Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E., Eds. Moscow, St. Petersburg: Inst. Naslediya, Dmitry Bulanin Publ., 2004. 620 p.
- Kuznetsov A.V. The crisis of regional studies in Russia amid the growing demand for knowledge about foreign countries and regions. *Kontury Glob. Transform.: Polit., Ekon., Parvo*, 2021, vol. 14, no. 6, pp. 6–25. (In Russ.).
- Levin M.G., Cheboksarov N.N. Economic and cultural types and historical and ethnographic areas (statement of the problem). *Sovet. Etnogr.*, 1955, no. 4, pp. 3–17. (In Russ.).
- Makarenko V.V. About the object-subject field of regional studies and its place among other sciences. *Sravnit. Polit.*, 2019, no. 4, pp. 12–33. (In Russ.).
- Mashbits Ya.G. *Kompleksnoe stranovedenie* [Integrated Country Studies]. Moscow, Smolensk: Izd-vo SGU, 1998.
- Mil'kov F.N. *Fiziko-geograficheskii raion i ego sodержanie* [Physico-Geographical Region and Its Main Idea]. Moscow: Nauka Publ., 1956. 219 p.
- Mil'kov F.N. *Vuzovskaya fizicheskaya geografiya: periody ee razvitiya i kharakternye cherty kak fundamental'noi nauki* [University Physical Geography: Periods of Its Development and Characteristic Features as a Fundamental Science]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. Univ., 1984. 304 p.
- Mironenko N.S. *Stranovedenie: teoriya i metody* [Country Studies: Theory and Methods]. Moscow: Aspect-Press Publ., 2001.
- Nizovtsev V.A., Marchenko N.A. Anthropogenic landscape genesis — methods and research results. In *Geografiya, obshchestvo, okruzhayushchaya sreda. Tom II. Funktsionirovanie i sovremennoe sostoyanie landshaftov* [Geography, Society, Environment. Vol. 2. Functioning and Current State of Landscapes]. Moscow: Gorodets Publ., 2004, pp. 196–213. (In Russ.).
- Pavlovskii IV. Regional studies today. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 19: Lingv. Mezhhul. Kommun.*, 2005, no. 2, pp. 145–156. (In Russ.).
- Planning and the Historic Environment: Planning Policy Guidance*. Note 15. London, 1994. 38 p.
- Romanova E.P., Alekseev B.A., Vasil'eva M.A. Geoecological assessment of landscapes (the case study of the Netherlands). *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2010, no. 1, pp. 3–10. (In Russ.).
- Savin I.Yu., Berezutskaya E.R. The concept of land cover as a basis for remote sensing monitoring of land. *Reg. Geosist.*, 2024, vol. 48, no. 1, pp. 77–90. (In Russ.).
- Sayre N.F. Ecological and geographical scale: parallels and potential for integration. *Prog. Hum. Geogr.*, 2005, vol. 29, no. 3, pp. 276–290.
- Sayre N.F. Scale. In *A Companion to Environmental Geography*. Castree N., Demeritt D., Liverman D., Eds. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009, pp. 95–108.
- Sevast'yanov D. V., Grigor'ev A.A. Regional studies as the scientific geographical basis of international tourism at St. Petersburg State University: Pages of history and modernity. *Vestn. SpBGU*, 2015, no. 1, pp. 86–97. (In Russ.).
- Shuvalov V.E. Regional Zoning. In *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy* [Socioeconomic Geography: Notions and Terms]. Gorkin A.P., Ed. Smolensk: Oikumena Publ., 2013. 202 p.
- Simonov Yu.G. *Istoriya geografii v Moskovskom universitete: sobytiya, lyudi. Tom 1* [The History

- of Geography at Moscow University: Events, People. Vol. 1]. Moscow: Gorodets Publ., 2008. 504 p.
- Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy* [Socioeconomic Geography: Notions and Terms]. Gorkin A.P., Ed. Smolensk: Oikumena Publ., 2013.
- Solntsev V.N. *Istoriya universitetskoi kafedry fizicheskoi geografii mira i geoekologii* [History of the University Department of Physical Geography of the World and Geoecology]. Moscow: GEOS Publ., 2008. 120 p.
- Sprygin A.A. Parameters of long-lived powerful convective structures in the European territory of Russia and adjacent territories and the possibility of unifying their forecast. *Gidromet. Issled. Prognozy*, 2020, no. 1, pp. 21–47. (In Russ.).
<https://doi.org/10.37162/2618-9631-2020-1-21-47>
- The European Landscape Convention*. European Landscape Convention. Strasbourg: Council of Europe, 2002. 24 p.
- Treivish A.I. Country studies: a team without a coach? Problems of composition, methodology and development. *Kontury Glob. Transform.: Polit., Ekon., Parvo*, 2021, vol. 14, no. 6, pp. 26–42. (In Russ.).